

У Горькаго.

М. Горькій—въ Москвѣ.

Онъ пріѣхалъ въ столицу не сразу, проживъ передъ тѣмъ нѣсколько времени въ Финляндіи и въ одномъ изъ подмосковныхъ имѣній.

Присмотрѣвшись къ московской жизни, писатель сказалъ сотруднику „Рус. Вѣдомостей“ :

— Странное, очень странное у меня чувство отъ Москвы. Тяжелое...

Съ острымъ вниманіемъ приглядывается онъ ко всему, что кажется ему теперь хорошо знакомая когда-то Москва; хочетъ разглядѣть въ пестротѣ маленькихъ фактовъ и явленій какой-то заключенный въ нихъ общій смыслъ. И отлагается на его душѣ чувство во всякомъ случаѣ не свѣтлое, не радостное.

— Я не знаю, можетъ-быть, московская улица, люди московскіе и прежде были такіе же, только я тогда не замѣчалъ, не чувствовалъ съ такою отчетливостью этого общаго ихъ характера; теперь же, послѣ того, какъ я надолго былъ отторгнутъ отъ всего этого, и когда невольно, даже не желая того, сопоставляешь московскія впечатлѣнія съ видѣннымъ въ Италіи,—это бьетъ со всей силой, это поражаетъ. Думаю, однако, что тутъ—и что-то новое, чего и не было, а не только не замѣчалось...

— Тамъ, въ Италіи, среди всей яркости и роскоши природы, среди ослѣпительныхъ красокъ и красотъ природы, среди всего грандіознаго хаоса городовъ съ автомобилями, гудящими фабриками, громяющими колымагами, человѣкъ все-таки не затеривается. Чувствуешь, что онъ—хозяинъ всего этого, что онъ—центръ. И онъ—какой-то полнозвучный, онъ всегда подаетъ свой голосъ. Я всегда слышу его громкій крикъ, крикъ человѣка, хозяина земли своей, своей жизни. А въ Москвѣ... Ну, вотъ выхожу я на Тверскую. Какъ будто и людно, и оживленно, и шумно. Много всякаго народа движется по троттуарамъ. Но такое у меня впечатлѣніе, что всѣ эти люди—безмолвные. Кажется, совсѣмъ не слышно человѣческаго голоса. Всѣ—какіе-то унылые, угрюмые, сердитые прежде всего. У женщинъ—какія-то вдовьи лица.... Знаете, иной разъ меня беретъ желаніе—подойти къ любому изъ этихъ людей, сказать: да заговорите же вы, подайте какой-нибудь голосъ!..

— Неужели, такъ же вотъ было и прежде? Чѣтъ, это—что-то новое, этотъ всеобщій разливъ угрюмости и „сердитости“. Правда, никогда русскій человѣкъ не отличается особою ласковостью, внимательнымъ и доброжелатель-

нымъ отношеніемъ къ другимъ. Зло разглядывать въ чужомъ глазу сучки,—всегда это было его излюбленнымъ занятіемъ...

Горькій провелъ нѣсколько своихъ московскихъ вечеровъ въ театрахъ. Зрительная зала интересовала его больше, чѣмъ сцена. И отъ зрительной залы впечатлѣніе—странное.

— Женщины въ московскихъ театрахъ стали одѣваться какъ-то по-особенному роскошно. съ роскошью бющею. Такой роскоши туалетовъ вы и въ Парижѣ не увидите. И роскошь эта—какая-то лихорадочная, торопливая. И пользование всякими утѣхами жизни—такое же лихорадочное и торопливое.

Еще одна черта сильно и больно поразила Горькаго въ его мимолетныхъ московскихъ наблюденіяхъ. Необычайно выросъ интересъ ко всякимъ пустякамъ, ко вздору, будь это танго или уродливый выкрикъ искусства. За это хватаются жадно.

— Понять ничего не могу,—почему всюду говорятъ все объ этомъ танго, и опять о танго, читаютъ о немъ доклады, устраиваютъ диспуты? Было ли это возможно нѣсколько лѣтъ назадъ въ Москвѣ? Это характерно. И танго—только примѣръ, одинъ изъ многихъ.

— Я былъ на „Бубновомъ Валетѣ“,—говорилъ Горькій, развивая все ту же мысль. Знакомая живопись. У насъ это только списано. Тамъ, у французовъ, у итальянцевъ, это сумѣютъ еще обратить въ прекрасное; романцы всегда это умѣютъ. Не мы. Мы ущѣпились за уродство и крѣпко за него держимся. Картины „Бубноваго Валета“ дѣйствовали на меня, какъ чисто физическое раздраженіе; точно кожу бредили. И нужно было удерживаться, чтобы не закричать, не сдѣлать какого-то безобразнаго жеста, не съѣсть на полѣ... И все-таки во многихъ изъ этихъ новѣйшихъ художниковъ, писателей есть что-то мнѣ симпатичное, милое.

Уваженіе къ культурѣ, къ наукѣ, къ искусству,—вотъ теперь стихія души Горькаго. Устройство жизни, въ которой такія начала найдутъ свое торжество,—вотъ великая русская задача. Оттого Горькій такъ рѣзко отрицательно относится, между прочимъ, къ Достоевскому, который—геній, но, по словамъ Горькаго, нацѣ злой геній. Онъ—то, что надо преодолѣть. Да, этотъ писатель глубоко націоналенъ, но онъ—выразитель азиатской стороны русскаго человѣка.

— Я знаю, такое мое отношеніе обрушить на меня многіе гнѣвы и негодованія. Что-жь, готовъ претерпѣть все это, но не перестану такъ думать и утверждать. Достоевскій, это—какой-то нарывъ на русскомъ тѣлѣ, въ который скопилось все наше дурное, все то, отъ чего мы должны спастись, чтобы быть культурною націею, чтобы завоевать свое почетное мѣсто въ общей жизни. Если мы останемся при Достоевскомъ, мы превратимся въ китайскую провинцію. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ свой Достоевскій,—тѣмъ болѣе нужды одолѣть его. Въ исканіяхъ „последней свободы“, въ заглядываніяхъ за „последнюю черту“, въ психикѣ „подполья“ мы непременно погибнемъ. Смирненіе, непротивленіе злу,—это не творить культуры. Оттого я такъ и протестую противъ постановокъ Художественнаго театра, хотя самый этотъ театръ люблю глубоко и со всею искренностью, потому что онъ—лучшій театръ, и онъ—настоящая русская гордость, такъ и оцѣненная серьезною частью западнаго общества.

— Не съ Достоевскимъ, но съ Пушкинымъ, съ Герценомъ должны мы быть. Вотъ наше спасеніе, вотъ то, что мы приобрѣли въ ходѣ своего развитія, и въ чемъ—преодолѣніе азиатскаго наслѣдства нашей души...

— Нашей литературой,—говорилъ, между прочимъ, Горькій,—интересуются на Западѣ, главнымъ образомъ,—въ странахъ романскихъ, серьезно, признаютъ наши художественныя завоеванія и хотятъ ихъ серьезно изучить. Изъ этого источника шли такія работы, какъ недавнія книги французовъ объ Островскомъ, объ Алексѣѣ Толстомъ. И это движеніе, которому нельзя не радоваться, не прекращается. Я знаю, для примѣра, готовится серьезная работа о Чеховѣ, о новѣйшихъ русскихъ писателяхъ, о нашихъ послѣднихъ общественныхъ движеніяхъ. И, я думаю, будетъ настоящимъ событіемъ третій томъ книги Масарика „Европа и Россія“. Но такъ подошли мы къ Западу, конечно, не черезъ Достоевскаго,—черезъ Пушкина...

Бесѣда наша опять свернула съ широкой дороги къ театру. Горькаго очень занимаетъ мысль объ актерѣ, какъ творцѣ пьесы. Этой мыслью онъ дѣлился съ К. С. Станиславскимъ въ ихъ заграничную встрѣчу. Эту мысль думаетъ осуществить послѣдній въ Студии. Горькій написалъ нѣсколько „заданій“ для такой актерской работы и переслалъ свои наброски Станиславскому. Онъ ждетъ отъ такихъ опытовъ большихъ результатовъ. И, на его взглядъ, именно Художественный театръ съ его большими силами и съ его авторитетомъ долженъ отважиться на пробу новаго пути, который, можетъ-быть, волеетъ горячую жизнь и въ театръ, и въ драматургію.

Отъ всего, что говоритъ вернувшійся на родину изгнанникъ, дышетъ бодростью и во всемъ звучитъ призывъ къ ней. Крѣпко натянуты струны жизни въ этомъ человѣкѣ. Онъ—воплощенная воля къ жизни. Этой воли хочетъ онъ русскому человѣку, взаменъ инерціи.

— Этою волею устроится жизнь.

Таковъ единый внутренній смыслъ всей бесѣды, какъ ни пестры и разнообразны были ея темы.